

Материалы VII Конвента РАМИ

Секция № 8

Специальная секция РАПН

Ильин Михаил Васильевич, д.полит.н., профессор, заместитель декана по науке Факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ, профессор Кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России

Волны трансформаций мирового порядка с 70-х годов прошлого века до наших дней

В своем выступлении мне хотелось бы поделиться с коллегами опытом изучения мировой динамики и государственного строительства за несколько последних лет.

Точкой отсчета удобно взять «Политический атлас современности», над которым мы с коллегами работали с 2005 по 2007 год, а затем в 2009-2010 годах уже над новым изданием на английском языке. Основная идея этого проекта заключалась в выделении сетки-основы мировой политики в виде ячеистой структуры, образуемой государствами. Была предпринята попытка полностью и без изъятий смоделировать такую сетку по состоянию на середину первого десятилетия нынешнего века. Данный проект позволил сделать моментальный набор проекций («атлас»), дававший представление о структурной основе мировой политики, а значит и об ее основных конфигурациях. В то же время динамические аспекты мировой политики, которые также были в центре внимания исследовательского коллектива, пришлось вынести за скобки. Однако работа в данном отношении продолжалась. О некоторых ее аспектах я и хочу рассказать сегодня.

Примерно тот же исследовательский коллектив, что занимался проектом «атласа», в несколько модифицированном составе занялся в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ моделированием волн мировой политической динамики, государственного строительства и режимных трансформаций применительно к последним четырем десятилетиям. На этот относительно короткий, но весьма насыщенный и, главное, непосредственно пережитый нами фрагмент истории можно взглянуть по-разному. Многое начинает видаться иначе при изменении масштаба – временного и концептуального.

Самый широкий угол зрения антропогенеза и социальной эволюции можно, пожалуй, оставить в стороне. Однако масштаб вступления мирового развития в эпоху глобализации был бы уместен. Хотя он и составляет в центре нашего внимания последние четыре десятилетия, угол зрения широко раздвигается. В его поле оказывается ретроспектива, по меньшей мере, нескольких столетий, а концептуально – новые качества политики эпохи Модерна. Конкретнее речь идет об историческом вызов существованию в

условиях неопределенности и развития, о приспособлении политических институтов к этим условиям.

Взгляд в масштабе последнего столетия фокусируется на проблематике ответа на вызов управляемости развитием, обеспечения хотя бы стабилизирующего воздействия на него. Конкретнее речь идет о наметившейся перспективе выхода из эволюционной паузы короткого XX века, периода условно от Сараева до Хельсинки, когда потребность контроля над развитием стала жизненно актуальной, но практических средств ее обеспечения – ни интеллектуальных, ни институциональных – еще не появилось. Теперь, в 70-е годы появляется намек на возможность практического перехода к поддерживаемости, сустантабельности развития.

Наконец, сужение угла зрения, фокусировка зрения на событиях сорокалетней давности, на Хельсинки и на начале третьей волны демократизации разглядеть становление как раз тех институтов, которые способны обеспечить обратную связь и подотчетность. А без них ни о каком осмысленном, а тем более эффективном воздействии на развитие говорить не приходится.

Соблазнительно концептуально соединить все эти разные масштабы в одной модели, выстроить ее «послойно», с учетом переходов от масштаба к масштабу по общим принципам «воронки причинности». Собственно именно это и было предложено мною в 2008 году в выступлении на конференции РАПН «Новый политический цикл: повестка дня для России». Само выступление было названо «Закончилась ли четвертая волна?» При этом сознательно не объявлялось волна чего. Это как раз и было предметом моего обсуждения.

Предлагалось трактовать волны демократизации как динамику выработки институтов, хотя бы минимально пригодных для воздействия на развитие. При этом логика волнообразного движения задавалась сочетанием двух антиномичных моментов – участия и гегемонии, а появление демократических институтов обратной связи и подотчетности увязывалось с паллиативным закреплением или институционализацией компромиссных процедур установления баланса между гегемонией и участием.

Опыт двух первых волн интерпретировался как подготовительное накопление институционального потенциала, а третья и четвертая волны как переход к использованию и расширению этого потенциала. Тем самым подчеркивалась различие между «эволюционной паузой» короткого XX века и последующим этапом начала глобализации. Разумеется, встраивался и масштаб ответа на вызов управления развитием.

Модель выглядела соблазнительно прозрачной и логичной. Даже слишком «идеальной», чтобы выдержать столкновение с действительностью в ходе эмпирического испытания. Первая проблема, о которой уже шла речь в выступлении 2008 года, заключалась в структурной (синхронной) и эволюционной (диахронной) неоднородности мировой политики. Из этого вытекали и вторая проблема – наличия у отдельных стран и даже регионов, выделяемых и географически, и аналитически, своих собственных ритмов. Высказывалось даже предположение, что для разных стран счет волн демократизации должен идти по-своему. Все, точнее лидеры, задающие тон мировой волне, вступают в третью или четвертую, а некоторые только во вторую, а то и первую.

Данные оговорки и сомнения были подкреплены в последующих эмпирических исследованиях, в частности, в проектах, которые мне довелось реализовывать с коллегами по «Политическому атласу современности» уже на площадке Высшей школы экономики. Более того, выявились эффекты наложения волн различных природ и масштабов, их подкрепления и синхронизации, или же, напротив, диссинхронизации, то есть сбивания ритмики вплоть до провоцирования кризисов.

Где мы находимся в настоящий момент? Первое, что удалось сделать, это нащупать параметр, который «соединяет» различные масштабы – модернизации, демократизации и глобализации. Таким параметром, по нашему мнению, является государственное строительство и одна из его важнейших динамических характеристик-переменных государственная состоятельность, *stateness*.

При этом мы также убедились, что выстраивание всеохватного, глобального, построенного по типу «Политического атласа» инструмента изучения волн или хотя бы количественного фиксирования качественных характеристик пиков и спадов волн развития оказалось слишком сложной задачей. Она представляется не решаемой на данном уровне развития политической науки, а возможно и в принципе недостижимой. Приходится идти иным путем. Мы пытаемся изучать отдельные проявления волновой динамики на коротких отрезках, в разных масштабах и диапазонах, в разных частях мировой политической системы. И в центре внимания, естественно, динамика политического развития Российской Федерации.

Насколько данная стратегия оправдывает себя? Нами получены любопытные результаты, касающиеся, например, диссинхронизации развития внутри пост-советской группы политий при одновременной синхронизации, вписывании их в другие, внешние тренды. Выявились и своего рода малые группировки со сходными трендами. На этом фоне проявились отдельные моменты нашей российской политической динамики, касающиеся как политического режима, так и более масштабных явлений, например, государственной состоятельности и вообще государственности.

Насколько данная стратегия оправдывает себя? Нами получены любопытные результаты, касающиеся, например, диссинхронизации развития внутри пост-советской группы политий при одновременной синхронизации, вписывании их в другие, внешние тренды. Выявились и своего рода малые группировки со сходными трендами. На этом фоне проявились отдельные моменты нашей российской политической динамики, касающиеся как политического режима, так и более масштабных явлений, например, государственной состоятельности и вообще государственности.

Нам также удалось эмпирически выделить особый тип «стоячей» волны, когда в основном консолидировавшийся режим блокирует или пытается заблокировать дальнейшие изменения. Выявлена логика действия и эмпирические параметры такого режима «царя горы». Эта метафора не должна никого обманывать, хотя самого «царя горы» и его свиту, а также всех кормящихся от его рук слуг она как раз обманывает. Для них это гора, тогда как в оптике общего волнового движения это провал между волнами, пропасть. Математически «стоячая» волна может быть описана как минимум так называемой J-кривой. Стоячая в абстрактном понимании волна – это такая конфигурация, когда подъем произошел, а спуска нет. Развитие идет по синусоиде. Потом следует переход на «плато» с одним и постоянным «хорошим», позитивным качеством. Фазы спада нет. Волна «стоит», не падает.

Прямо противоположная конфигурация возникает на противоположной фазе. Идет спад. Он доходит до самого низу и там остается на плато с одним и постоянным «плохим», негативным качеством. Фазы подъема, позитивного «хвоста» J-curve нет. Впадина «лежит», волна не поднимается.

Повторю еще раз. Только царь горы может увидеть свое творение как «гору». В его качественной логике волны «перевернуты» по значениям – плюс меняется на минус и минус – на плюс. Для более широкого наблюдателя, например, «истории», интересов развития, да и вообще всех страдающих от его горы она никакая не гора с плато, а впадина с плато. Чтобы быть точным, нужно говорить о царе дыры, а не царе горы.

Стоячие волны и застревание в «неподвижной» ложбине между движущимися волнами характерны для целого ряда политий, среди которых оказалась и нынешняя Российская Федерация. Об этих результатах наших исследований только что доложил на открытии Конвента РАМИ руководитель нашего исследовательского коллектива А.Ю.Мельвиль. Соответствующая публикация в ближайшее время будет осуществлена в виде препринта Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Готовится также статья для «Международного обозрения политической науки», издаваемого Международной ассоциацией политической науки.

В ходе наших исследований мы также убедились, что появление «стоячих» волн «царя горы» и сочетание разнонаправленных трендов особенность не только пост-советской группы политий. Эти особенности могут быть обнаружены и при изучении других группировок, например, при включении в выборку также политий, входивших в так называемое социалистическое содружество. Сейчас мы изучаем более широкий материал с учетом кризисных политий уже начиная с третьей волны. Предварительные результаты показывают, что ритмы и волны развития сильно зависят от институционального наследия, в частности от потенциала государственной состоятельности, *stateness*. А это в свою очередь подтверждает идею, что нужно встроить государственную состоятельность в исходную модель 2008 года.

Как это сделать на уровне эмпирических исследований, мы еще не придумали. Это задача следующего этапа исследований. Будем благодарны, если вы нам что-то предложите или посоветуете.

А теперь совсем короткое заключительное замечание. Четыре года назад был поставлен вопрос, закончилась ли четвертая волна. И ответ давался – да, заканчивается. Этот ответ подсказывался согласованным использованием разных масштабов видения и анализа текущей фактуры. С тех пор прошло четыре года. Всеобщий кризис – далеко не только экономический и финансовый – мощно дестабилизировал мировую политическую систему и его ядро Европейский Союз. Казавшаяся незыблемой, в духе «конца истории» гегемония сошла на нет. Альтернативное участие возросло. Поднялась волна «арабской весны». Можно ли редуцировать ее только к очередному региональному повторению процессов размежевания светских и духовных порядков, характерных для западно-европейской эпохи конфессионализма XVI-XVII веков? Или только к повторению демократических усилий лидеров демократизации? Или к противоречивому соединению разных векторов? Многие страны вступают, наконец, в свою первую волну демократизации. А другие во вторую или в третью. Предположение оправдывается. А это означает, что следует предпринять новые усилия для соединения разных масштабов анализа, чтобы попытаться уже не только констатировать грядущее нарастание мировой волны развития, но и попытаться угадать ее основные характеристики и, что даже важнее, отклонения от общей мировой динамики отдельных стран и в первую очередь нашей России.

К решению данных задач мне и хотелось бы пригласить коллег, которые собрались сегодня здесь на специальном заседании Конвента, организованном РАПН и кафедрой сравнительной политологии МГИМО.